

Куда-то вверх, куда-то ввысь
мостят они себе дорогу.
Неужто целью задались
местами поменяться с Богом?..
Клыками рвут живую плоть
и утоляют кровью жажду.
Как просто все перемолоть,
под жернова пустив однажды...

...Я шел по улицам своим,
не узнавая этот город.
Он был угрюм.
Он стал другим.
Но и таким он был мне дорог...

Викинг

В стране снегов, у края света,
где слился с ветром птичий свист,
где слава Одина воспета,
жил очень старый пианист.

Играя Грига на рояле,
рисуя музыкой прибор,
вручив себя безбрежным далям,
бесстрашный викинг принял бой.
Терзая гладкие педали,
как норд порывом –
паруса,
вплетал он в магию рояля
богов суровых голоса.
Назвавшись гордо капитаном,
презрев и молнию, и гром,
бросая вызов океанам,
старик искал в аккордах шторм.
Врезаясь килем в тьму морскую,
под бесконечный склянок бой
летел меж рифов бриг, рискуя
найти в пучине свой покой.

И вот финал –
разбиты мачты!
На берег выброшен штурвал...
Но не скорбите и не плачьте –
ведь он еще не доиграл!..
Скользя по клавишам устало,
он успокаивал рояль...
Морская гладь в лучах сверкала
и тишиной манила вдаль...

Жене

Я не буду петь про наши годы,
да и ты тоску свою умерь.
Я не плачу и не плакал сроду,
закрывая за собою дверь.
Все сложилось, как должно и было.
Жизнь текла то с горки, то в подъем.
Осень?.. Так себе...
Поморосила...
Даже и не скажешь, что дождем.
Ну, да ладно с ней...
Присядь, послушай,
как звенит дрожащая струна.
Я опять твою тревожу душу,
самая послушная жена.
Перестань травить меня настойкой
собранной травы у «Черных скал».
И займись шитьем своим и кройкой,
я от процедур твоих устал.
Дай поспать.
Во сне увидеть лодку
бороздящей вечный океан.
А еще налей полнее водку
в стограммовый «сталинский» стакан.
Не волнуйся, мой услышав кашель.
Не бывает в жизни без потерь.
Я доволен всем, что было нашим,
я уйду, но только не теперь.

Снайперы

Мир уместился в прорези прицела.
Как был он жалок, до смешного мал...
Я, затаив дыхание, умело
на спусковой без колебаний жал.
Сведя на перекрестье дни и годы,
приклад холодный подперев плечом,
я целился.
Я – снайпер от природы,
на эшафот взошедший палачом.
Всевышний, человека создавая,
я знаю: ты не этого хотел...

Но это так –
сегодня мы у края,
и целый мир взят нами на прицел.
В безумстве убиваем мы себя же,
сжигая, отравляя все вокруг.
И нам никто «Остановись!» не скажет,
и камнем тонет брошенный нам круг.

На этот раз ковчег свой до вершины
не доведет трудяга –

добрый Ной.

На дно утянет темная пучина,
но даже там мы не найдем покой.
Мы, в хаосе огня дотла сгорая,
нашли, пожалуй, собственный предел.

...Я целил в этот мир,
дойдя до края,
а он меня разглядывал в прицел...

Последний менестрель

На пражском Карловом мосту,
где я бывал не раз,
как старый воин на посту,
грустинкой добрых глаз
встречал гуляющих зевак
усталый музыкант.
Потертый джинсовый пиджак –
эпохи прошлой фронт.
А в шляпе пыльной ничего –
одной монетки медь.
И нет желанья у него
кому-то песни петь.
Висит печальная луна,
вокруг суетный мир.
Стакан дешевого вина
и к хлебу горький сыр.
Сегодня он не тронет струн –
напрасно песен ждут.
Да пусть хоть сто печальных лун
на землю упадут.
Лежит гитара в стороне,
и топится талант,
как сыр размоченный в вине,
и пьян мой музыкант.
Смотрите, где-то вдалеке,
где тает лунный свет,
плывет гитара по реке,
за нею – шляпа вслед...

...С моста уходит музыкант,
разбавив грустью хмель.
Прощай, еще один Атлант,
последний менестрель!

Желание

На каком-то участке пути
предложили чуток отдохнуть.
Мол, нелегко и долог твой путь...
Только я продолжаю идти.
Я хотел бы ночами летать,
как когда-то ребенком во сне,
чтоб, баюкая, пела бы мне
колыбельную нежная мать.
А еще я хочу, чтоб войны
больше не было в жизни моей,
чтоб своих не терял я друзей
и не чувствовал горькой вины
в том, что где-то кого-то не смог,
прикрывая собою, спасти.
Не кричать с диким хрипом:
– Прости!..
Опоздал.
 Не сумел.
 Не сберег!..
Согласись, ведь немного прошу:
малость самую...
каплю... чуть-чуть...
Извини, если в чем-то грешу,
но нелегко
 и вправду мой путь!